

ЭННИ КЭТРИН

Больше
не подружки

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К98

Annie Cathryn
THE FRIENDSHIP BREAKUP
Copyright © 2023 by Annie Cathryn

Перевод с английского *Лии Януровой*

Иллюстрация на обложке *Вероники Чернышевой*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Кэтрин, Энни.

К98 Больше не подруги / Энни Кэтрин ; [перевод с английского Л. Януровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-194731-6

Фэллон Монро – мама, любительница книг о самопомощи и талантливая шоколатье, — всегда полагалась на своих подруг из пригорода Чикаго. Внезапно ее лучшая подруга Беатрис отказывается общаться...

Фэллон нуждается в поддержке. Она заводит новые знакомства через специальное приложение. Но как быть, если у новой подруги есть тайна, связанная с Беатрис?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-194731-6

© Янурова Л., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается маме.
Я существую благодаря тебе.*

*А еще Дэйву и Скайлар.
Мои любимые. Мои всё.
Один за всех, и все за одного.*

Глава 1

Где-то между молоком и яйцами у меня начинается менопауза. Засовываю голову в холодильник и делаю вид, что ищу срок годности на коробке яиц, пока подходит срок годности моих неоплодотворенных яйцеклеток.

Пожалуйста, пусть это быстро пройдет.

О нет.

Время водопадов.

Почему я плачу?

Это чувство потери, но потери чего? *Молодости. Моих яйцеклеток. Моей лучшей подруги Беатрис. Почему она игнорирует меня? Я сделала что-то не так? Наверное...* Перед тем как обдумать это в миллионный раз, я утираю слезы и упрекаю себя: надо собраться. *Могло быть и хуже. Могла бы застрять в пробке с переполненным мочевым пузырем.* Я отталкиваю эту кошмарную мысль и произношу безмолвное «спасибо» за то, что я живу на Среднем Западе, а не в Лос-Анджелесе.

Я высовываю голову из холодильника, и мимо меня проходит грудастая блондинка на двадцать лет младше меня в мини-юбке, маечке и лавандовых биркенштоках. Она одета так, как стоило бы мне сейчас, когда по шее поднимается волна жара. Тут

я вспоминаю, что на улице всего пятьдесят¹ градусов. Типичная апрельская погода в этом крохотном, сонном городке. На прошлой неделе выпало десять сантиметров снега, и я подумала, что проснулась в Антарктике.

Я снова рассматриваю девчонку в мини-юбке. Прежде чем Джессика Рэббит спросит меня, где здесь взбитые сливки, я хватаю упаковку яиц и, опустив голову, вижу свои тапочки. Уф. *Как я могла забыть переобуться?* Наверное, была слишком занята тем, что моя «лучшая подружка» ведет себя так, словно мы больше не подруги.

Я спешу дальше по отделу «Все для выпечки», паркую тележку перед кондитерским шоколадом и, поддавшись порыву, достаю телефон, чтобы посмотреть, слышно ли что-нибудь от Беатрис. Нахожу последнее сообщение, которое отправила ей несколько недель назад, где спросила, как у нее дела. Она до сих пор не ответила. Не перезвонила. На футболе, где играют наши дочери, я тоже ее не видела, потому что занималась своим шоколадным бизнесом. А когда я отвожу дочь в школу, там творится такой хаос, что времени поболтать не остается. Как раз этим утром мне показалось, что Беатрис посмотрела на меня на школьной парковке, но когда я помахала ей, она отвернулась и быстро села в свой минивэн. Возможно, она просто меня не увидела, убеждаю я себя.

— Извините, — говорит кто-то, выдергивая меня из размышлений, в которых я обманываю саму себя. Я поднимаю взгляд и вижу широкую улыбку во все

¹ 10 °C (*Здесь и далее прим. переводчика*).

зубы, между которых прямо посередине застрял кусок зелени. Испытывая дискомфорт, я сдерживаюсь и не проверяю ногтем собственные зубы. *Как сказать этой женщине про застрявший шпинат?* Я же ее не знаю. Вдруг она его на потом припасла.

— Не знаете, какой шоколад лучше взять для фондю?

Может, стоит сказать ей, где тут зубочистки, но я проглатываю эти слова и указываю на свою любимую марку.

— Он хорошо подойдет, — говорю я с натянутой улыбкой.

Если бы у меня что-то застряло между зубами, я бы хотела, чтобы мне об этом кто-то сказал, поэтому я шепчу:

— У вас тут кое-что осталось, — я указываю на собственные передние зубы.

Она вскидывает руку ко рту.

— Со мной тоже такое бывает, поэтому решила вам сказать. — Я делаю вдох, надеясь, что не переборщила.

Она залезает в сумку и достает компактное зеркальце.

— Спасибо вам. Иногда смузи решает попутешествовать. — Женщина смотрит в зеркало и выковыривает зелень, потом хватает шоколад и читает состав.

Белая, без складок и пятен рубашка заправлена в дизайнерские джинсы, а синие эспадрильи ничем не напоминают тапочки. Я застегиваю сиреневую толстовку, чтобы не было видно красное пятно от соуса на желтой футболке, потом заправляю за уши пряди волос, которые выбились из пучка.

— Ага, пойдет. Спасибо вам большое. У меня сегодня вечеринка — так, пара близких друзей. Фондю будет приятным угощением.

Небольшая вечеринка? Звучит прелестно. Мне не хватает такого со своими собственными друзьями.

— Хорошо вам провести время, — выдавливаю я, когда она двигается дальше вдоль стеллажей. — Не забудьте зубочистки!

— Точно, бамбуковые шпажки для фондю, — кричит она в ответ через плечо.

Я не про фондю.

Когда она поворачивает за угол, я хватаю несколько упаковок кондитерского шоколада и кидаю их в тележку.

Вот до чего опустилась моя социальная жизнь. Разговоры ни о чем в продуктовом. Может, Беатрис бросила меня потому, что видок у меня стал такой потрепанный? Нет, не могу поверить в то, что кто-то из моих знакомых так поверхностен. Дело не в этом. Беатрис видела меня в худший период: с детской отрыжкой на волосах и в черных штанах для йоги, которые я носила три дня подряд. Надо бы лучше за собой следить, там, глядишь, и настроение улучшится.

Я прохожу к отделу с международной кухней. Упаковки с нутом в красном остром соусе чили смотрят на меня в ответ. Я снова краснею, будто палящее солнце пробурило дыру в потолке и добралось до моего лица.

Это и есть менопауза? Мама говорила, что у нее симптомы перименопаузы начались рано. *И что это значит? Насколько рано? Через три месяца мне бу-*

дет сорок. Это рано? Хотела бы я позвонить маме и расспросить ее, но она тут не поможет. Я сама по себе. Я вздыхаю и мысленно отмечаю симптомы. Приливы жара есть. Набор веса есть. Не пришли месячные — э-э, *может быть?* Надо посмотреть на календарь. Повышенная раздражительность есть, и еще какая.

Телефон пиликает, я лезу за ним — вдруг это Беатрис? Нет, это еще одна мамочка в нашей группе, Лайла. Она выкладывает пост с подписью «Обед» в «Фейсбуке»¹. Я изучаю фото, и слова моего мужа Макса эхом разносятся у меня в голове. «Фэллон, любовь моя, социальные сети — это упадок общества». Судя по фото Лайлы с какой-то непонятной желтой пюреобразной жижей, он прав.

Макс не сидит в социальных сетях, потому что не хочет, чтобы пациентки его там нашли. Мне уже хватает постов о том, что «гинеколог МакДрими» в городе. Эти слова наталкивают меня на мысли о руках мужа между ног другой женщины. Я научилась вытеснять их изображением милых щенят, которые обнимаются у камина. *А какой у меня есть выбор?* Я знала, на что подписываюсь, когда вышла за него замуж. Я говорю себе, что он не ходит по стрип-клубам и не увлекается порно. Это его работа. И я с этим смирилась.

Я толкаю тележку к кассе, и девушка за ней окидывает взглядом восемь разных марок шоколада среди моих покупок. Она спрашивает, как у меня дела, и слезы снова наворачиваются на глаза. Ее

¹ Facebook — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

доброта напоминает мне о моем одиночестве. Я хочу объяснить ей, что шоколад мне нужен для исследования, а не для утешения. Снова обманываю себя. Я мямлю что-то в ответ. *Сама не знаю что говорю*. Смысла в моих словах нет. Я опускаю на нос солнцезащитные очки — не по размеру большие — и иду к выходу.

Я складываю покупки в джип и повторяю про себя: «Обрати свою боль в силу». Я прочитала эту мантру в одной из моих книг по самопомощи и теперь постоянно о ней думаю. Меня мучает душевная боль, я должна все успевать под гнетом нехватки времени, я чувствую вину, когда хочу сделать что-то для себя, ведь мне кажется, что сначала я должна позаботиться о своей семье или увидеться с друзьями... Да еще эти ужасные приливы жара. Я закидываю последний пакет с продуктами в багажник и тянусь вверх, чтобы захлопнуть его, когда что-то твердое врезается мне в спину.

Я выдавливаю сквозь сжатые зубы: «Обрати свою боль в силу». Трогаю ушибленное место, понимаю, что будет синяк, и добавляю: «Да ну вас на хрен с вашими мантрами!»

— О боже! Простите, пожалуйста. — Женщина отодвигает тележку, из которой выпадает упаковка подгузников. Мальчик играет самолетиком, запущенная его с бедра женщины. Она обходит тележку, задевает ее выпирающим животом, еле-еле прикрытым

футболкой, и я хватаю тележку, чтобы она снова не врезалась в меня.

Судя по темным кругам под ее глазами, у нее, наверное, выдался денек похуже моего.

— Давайте помогу, — говорю я и наклоняюсь за упаковкой подгузников. — У вас и без того заняты руки.

— Спасибо. Извините, пожалуйста. Надеюсь, вы в порядке. — Она приглаживает взъерошенные волосы. Ее сын в пижаме с «Щенячьим патрулем» вдруг убегает, и она кричит: «Бенни, вернись сейчас же!» Она вразвалочку идет за ним.

Через минуту она возвращается с Бенни. На ее щеках дорожки высохших слез.

— Пожалуйста, будь осторожен, больше не меняй настройки, — говорит она и протягивает ему телефон. — Подожди, давай я сама тебе открою игру.

Я вдруг осознаю смысл ее слов. *Настройки!* Пока она копается в телефоне, я достаю свой и открываю список контактов: вдруг моя дочь Майя случайно заблокировала Беатрис? Но нет, настройки в порядке. Я надеялась, что это окажется решением загадки. Чтобы удостовериться, что мой телефон работает, я пишу сообщение давней соседке из колледжа Эйвери.

— Где ваша машина? — спрашиваю я женщину, которая усадила Бенни на пакеты с продуктами.

Она указывает на серебристый минивэн.

— Давайте я вам помогу, — говорю я и забираю у нее тележку. Женщина достает из нее сына и несет его на руках. Я ее не виню. Она меня не знает. Я с та-

ким же успехом могу украсть ее ребенка, телефон и продукты.

Помню, у меня были такие же дни, когда Майя была малышкой. Я думала, что справлюсь с чем угодно, пока не стала матерью. Я не справлялась каждый день. Горы игрушек и бумаг в доме росли быстрее, чем трава на моей лужайке весной, не говоря уж о том, что я повсюду опаздывала, и иногда на несколько часов, потому что не могла найти свои ключи. Однажды они оказались в морозилке рядом с моей заначкой печенья для экстренных случаев. Потом — в мусорке с использованными подгузниками. Чаще всего я пахла кислым молоком и колечками для завтрака. Я старалась держать голову выше и глубоко дышать, но под завалами грязного белья получалось плохо.

— Сложно управиться с трехлетним сыночком на руках, а тут еще и... — Она опускает взгляд на свой живот.

— Вы, наверное, совсем вымотались. Какой срок?

— Две недели осталось.

— Финишная прямая, — говорю я, улыбаюсь и иду за ней к минивэну. Когда я была беременна Майей, она задержалась на неделю, и эти дни сводили меня с ума. Я ела всю острую еду, какую могла найти, и даже ездила по железнодорожным путям, чтобы вызвать схватки.

Я загружаю продукты в машину, и женщина пристегивает Бенни в его сиденье. Я хочу сказать ей, что так будет не всегда, что станет лучше, но ей ни

к чему слышать это от незнакомки в самый разгар своих страданий.

Поэтому, когда она возвращается, я говорю то, что говорила мне Беатрис: «Вы прекрасно справляетесь, мамочка».

Она обнимает меня. Я, шокированная, медленно поднимаю руки, чтобы обнять ее в ответ, стараясь не раздавить еще не родившееся дитя между нами. И потом, вот так просто, она уходит. Может, нам обоим нужны были эти объятия?

Я возвращаюсь домой и принимаюсь за свой новый рецепт шоколада для предстоящего девичника. Если все пойдет по плану, это будет большим прорывом, который обеспечит мне больше заказов.

Я взбиваю жирные сливки и тертый шоколад, добавляю ваниль, перемешиваю. Вдыхаю пьянящий, насыщенный запах и думаю: почему я раньше не начала готовить свой собственный шоколад?

Когда Майя появилась на свет, мы с Максом решили, что я буду сидеть дома, пока она не пойдет в школу. Майя ходит в школу уже два с половиной года. Все это время я разбирала свой шкаф, продавала одежду для беременных, украшала дом и привыкала к миллиону дел, которыми вечно заняты матери. И конечно же, я справлялась с непредвиденными ситуациями: например, бегала в школу, чтобы отдать Майе вещи, которые она забыла, будь то пере-